

Хасслер Герда

Потсдамский университет,
Германия, 14469, Потсдам, Новый дворец, 10
hassler@uni-potsdam.de

Представления о связи между языком и мышлением во Франции на рубеже XVIII–XIX вв. и влияние *идеологов* в Санкт-Петербурге: пример Жана-Батиста Модрю (1740–1808)

Для цитирования: Хасслер Г. Представления о связи между языком и мышлением во Франции на рубеже XVIII–XIX вв. и влияние *идеологов* в Санкт-Петербурге: пример Жана-Батиста Модрю (1740–1808). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (3): 463–479. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.308>

Под именем *идеологов* известна группа философов, психологов, грамматиков, педагогов и медиков, которая в течение непродолжительного периода (1795–1805) определяла духовную жизнь во Франции и хотела создать науку об идеях (*idéologie*). Общим для представителей данного движения было сдержанное отношение к идеям Кондильяка (1714–1780) и его сенсуалистской теории знаков, а также стремление усовершенствовать язык во имя развития мышления и научного познания. Именно идеологам мы обязаны постановкой ряда принципиальных вопросов, касающихся влияния знаков на идеи, а также изданием целой серии учебников по грамматике и трудов о значении знаков для мышления. Идеологи поддерживали личные контакты в том числе и в России. К идеологам был близок, в частности, Жан-Батист Модрю (1740–1808, Maudru), которому удалось, несмотря на ограниченность его познаний в русском языке, сделать ряд интересных наблюдений касательно связи между языком и национальным характером. Согласно Модрю и в полном соответствии с толкованием *идеологов*, характерное для того или иного языка расположение членов предложения указывает на нечто совершенно иное, чем просто бóльшую или меньшую степень близости к естественности, а именно на различия в национальном характере, который налагает отпечаток на особенный характер соответствующего языка. Модрю преподавал языки в Санкт-Петербургском Кадетском корпусе и опубликовал первый во Франции учебник по русской грамматике. Модрю попытался механически соединить специфические особенности языка и национального характера народа, возлагая ответственность на климатические факторы. Его попытку реанимировать климатическую теорию критиковал, в частности, Карамзин, который также считал толкование переносных значений слов абсурдным занятием, которому не место в рамках грамматики.

Ключевые слова: идеологи, знак, грамматика, язык и мышление.

Роль знаков и взаимосвязь между языком и мышлением являлись предметом активной дискуссии в лингвистических теориях XVIII в. В этой дискуссии принимала участие и группа ученых, которая существовала во Франции в течение со-

всем непродолжительного времени, а именно с 1795 по 1802 г., и известная под прозвищем «идеологи» [Busse, Trabant 1986; Haßler 1999; 2001; 2007; 2016; Haßler/Neis 2009, Schlieben-Lange 1989–1994; 1996]. Группа сформировалась на базе отделения Института Франции, собственно говоря, не занимавшегося официально языковыми исследованиями, и явно оппозировала складывавшейся в тот период школе исторического языкознания. В начале XIX в. это направление утрачивает свое влияние во Франции, к чему приложил усилия уже Наполеон Бонапарт, считавший идеологов, по причине их либерально-демократических взглядов, потерявшими связь с реальностью мыслителями. Однако именно на рубеже XVIII–XIX вв. влияние идеологов самым неожиданным образом распространяется на другие страны, в частности Испанию, Италию, а также и на Россию.

Статья посвящена одному из представителей идеологов, Ж.-Б. Модрю (1740–1808, Maudru). Первейшая ее цель — вскрыть существующую в историографии недооценку влияния идеологов на взгляды теоретиков языка и на преподавание языков за пределами Франции. До сегодняшнего дня имеется очень мало исследований о восприятии учения идеологов, в особенности Модрю, в России [Archaimbault 1998; Kriajeva 2013]. Чтобы понять отношение Модрю к этому течению, важно рассмотреть прежде всего представления идеологов о влиянии знаков на мышление. Далее необходимо выяснить, нашли ли тезисы идеологов отражение в его главном труде, каковым являются «Принципы всеобщей грамматики в приложении к русскому языку» [*Éléments raisonnés de la langue russe, ou Principes généraux de la grammaire appliquée à la langue russe 1801*]¹.

Представления идеологов о влиянии знаков на мышление

Идеологи вышли из интеллектуального кружка, который с 1771 г. собирался в салоне мадам Гельвеций (Madame Helvétius) и был самым тесным образом связан с идеями Просвещения. Предлагая термин «идеология» для «учения об идеях», которое разрабатывалось в данном кружке, А.-Л.-К. Дестют де Траси (1754–1836, Destutt de Tracy) полностью осознавал, что фактически дает новое название чему-то уже существующему. В то беспокойное время, когда вопросы теоретической лингвистики, казалось бы, имели крайне мало шансов стать центральным предметом обсуждения, идеологи занимались в первую очередь проблематикой теории знаков и стремились упорядочить научное знание именно на основе семиотики. В 1797 г. они выступили с инициативой учреждения премии, поощряющей изучение влияния знаков на формирование идей и призванной в первую очередь способствовать осмыслению возможностей совершенствования языка науки как совокупности аналитических методов. Их опыт работы в учрежденных после реформы системы образования педагогических школах (*Écoles Normales*) лег в основу многочисленных пособий по грамматике и трактатов об основах идеологии, некоторые из которых, впрочем, были впервые опубликованы уже после преобразования, по инициативе Наполеона, центральных школ в императорские гимназии.

В основе типичного для идеологов интереса к созданию образовательных и научных институтов, которые гарантировали бы оптимальную реализацию стремле-

¹ Благодарю Александра Матреночкина за обработку русского текста.

ния человечества к совершенству, лежал, помимо прочего, и тезис о развитии мыслительных способностей при помощи совершенных знаковых систем. Уже Э. Б. де Кондильяк (1714–1780, Condillac) отмечал, что даже далекие от гениальности люди в состоянии освоить как минимум один язык, действие которого согласно его собственной внутренней аналогии может затем привести к желаемым результатам [Condillac 1963: 99–106]. В своем представлении об анализе посредством языковых знаков как центральном элементе всех процессов познания идеологи развивают учение Кондильяка далее. Для них, как и для Кондильяка, взаимосвязь между языком и мышлением характеризуется обоюдонаправленностью. Единственным средством нахождения истины является аналитическое мышление, но последнее, в свою очередь, не может обойтись без знаков. Таким образом, от степени совершенства языков зависит развитие интеллектуальных способностей их носителей. Согласно сенсуалистской по сути и тематизирующей генетические и семиотические факторы научной программе идеологов история человечества представала в качестве процесса самосозидания посредством все более оптимальных знаковых систем с тем, чтобы в конечном итоге достичь совершенства.

Однако уже в вопросах фундаментального определения познавательной функции языка отдельные идеологи выступали с собственных позиций, которые частично объясняются подходом к понятию «наука», ориентированным на наблюдение позитивных фактов. В качестве фактора размежевания выступало также и педагогическое целеполагание идеологов, которое вызывало как стремление суммировать философию Просвещения, так и необходимость наложения на себя прагматических ограничений, что порой влекло за собой отказ от теоретической преемственности. Наконец, еще одним подобным фактором, возможно, стал и осознанный пересмотр философских позиций под влиянием условий, сложившихся в послереволюционной Франции.

Вырисовывающиеся противоположно направленные тенденции в оценке роли знаков в процессе познания можно определить как семиотизацию и десемиотизацию научной теории. Отправным пунктом семиотизации идеологии как метанауки является позитивная роль языковых знаков в объяснении высших мыслительных процессов, которую отмечал еще Кондильяк. В то же самое время именно по данному пункту многие представители этого направления подчеркивали свое несогласие с мнением Кондильяка, которого они категорически отказывались признавать своим идейным вдохновителем. Примером семиотизации научной теории служит ответ П.-Ф. Ланселена (1769?–1809, Lancelin) на вопрос о влиянии знаков на развитие наук. Он исходит из того, что важнейшим и надежнейшим инструментом человеческого духа является анализ идей с помощью представляющих их знаков:

Le plus puissant levier de l'esprit humain, et le plus sûr moyen de remonter aux premiers éléments de la raison et de la vérité, résident dans l'exacte analyse de nos idées par le moyen de leurs signes représentatifs [Lancelin 1801: XVII]. — 'Самый мощный рычаг человеческого разума и самый надежный способ вернуться к самым первым элементам разума и правды заключен в точном анализе наших идей через представляющие их знаки.'

Непременным условием достижения совершенства в искусстве мышления является, по его мнению, совершенствование знаковых систем. Отсутствие внутренних противоречий в тех или иных науках — это преимущество, обеспечиваемое

надлежащим устройством их языка, и, напротив, постоянно раздираемые противоречиями дисциплины используют язык, строй которого оставляет желать лучшего. Отсюда Ланселен делает вывод, что для совершенствования искусства мышления необходим аналитический язык.

Однако в ответ на тезис Кондильяка о том, что совершенствование науки необходимо начинать с упорядочения языка, отдельные идеологи приводят аргументы, которые фактически являются декларацией десемантизации. В частности, П. Прэво (Prévo) подчеркивал, что наблюдение едва ли зависит от языка и что задача науки не исчерпывается исключительно выстраиванием номенклатуры. Сходным образом Дестют де Траси, который первоначально, подобно Кондильяку, считал образцом научного языка язык алгебры с его совершенной аналогией, выступил в 1805 г. с подробным комментарием по данному вопросу, в котором он, вероятно, учел результаты критической дискуссии, которая велась среди идеологов. Теперь речь шла не о том, что язык определяет познавательные способности говорящего и что слова выступают посредниками между последним и предметами реальности, но о том, что язык может совершенствоваться и тем самым оказывать позитивное влияние на познавательные процессы лишь во взаимосвязи с развитием имманентных средств научного познания.

Осмысления требовали также предложения по разработке универсальной системы письменности и результаты, полученные при обучении глухонемых, из которых идеологи в первую очередь выводили вопрос о природе необходимых для познавательных процессов знаков. После того как принадлежавший к рассматриваемому течению П. Ларомигьер (Laromigière) опубликовал в 1798 г. неоконченный труд Кондильяка о языке вычислений, многие идеологи также выступили с категорическими заявлениями по поводу в первую очередь определения науки как надлежащим образом устроенного языка (*science bien faite*).

Отношения Модрю с идеологами: биографические сведения и тематика научных интересов

Каким же образом Модрю познакомился с идеологами и существуют ли биографические и тематические ориентиры, которые позволяли бы говорить об их влиянии на его работу? Модрю преподавал языки в Санкт-Петербургском Кадетском корпусе и известен главным образом тем, что опубликовал первый во Франции учебник по русской грамматике [Maudru 1802; Kriajeva 2013]. Его карьера в качестве филолога и педагога началась не позднее 1771 г., когда он опубликовал очерк системы обучения письменности [Maudru 1771], каковая тема, насколько можно судить, имела изначально большую актуальность для идеологов. В свой первый приезд он прожил в России 17 лет (1773–1791), затем вернулся во Францию, где застал движение идеологов в период расцвета, после чего в 1803 г. снова отправился в Россию [Kriajeva 2013: 3]. Если Н. Карамзин (1766–1826) весьма нелестно характеризовал его как авантюриста, занимающегося всем, чем только можно, другие современники отзываются о нем как о серьезном специалисте по грамматике; среди последних И. А. Эйлер (1734–1800, Euler), Н.-Г. Леклерк (1726–1798, Le Clerc), Й. Добровский (1753–1829, Dobrovský), К. Ф. Рейф (1796–1872, Reiff) и Н. И. Греч (1787–1867, Greč) [Archambault 1998: 15]. Причиной отъезда Модрю из России в 1791 г., вероятно,

стали притеснения, которым он подвергся после того, как приветствовал Французскую революцию (ср. [Maudru 1792: 5–6; Maudru 1799]). Его педагогические интересы совпадали с устремлениями к обновлению образовательной системы Франции, в котором идеологи играли важную роль. По завершении краткого периода активности идеологов (1795–1802) во Франции вышла из моды и разработанная Модрю система чтения (см. ниже). В 1803 г. он вновь отправился в Россию, где посвятил себя педагогической деятельности, открыв пансион и выпустив сокращенную редакцию своей грамматики русского языка [Модрю 1808]. После 1808 г. его следы теряются.

В качестве педагога Модрю старался внедрить новые стратегии обучения чтению, призванные существенно ускорить процесс формирования навыков [Maudru 1792: 51]. Он выступал против привычной для того времени практики чтения по складам и предложил методику на фонетической основе, которая исходила из асимметрии звуковой и графической сторон. На педагогические взгляды Модрю повлияли Дж. Локк (1632–1704, Locke), Кондильяк и Ж.-Ж. Руссо (1712–1778, Rousseau), согласно сенсуалистским принципам которых он придерживался следования от простого к сложному и от конкретного к абстрактному. По его мнению, необходимо было преподавать не только естественную историю и науку о фактах (т. е. собственно историю), но также и науку о словах, причем обучению родному и современным иностранным языкам он отдавал приоритет по сравнению с языками классическими (1792 [1778]). Уже в 1776 г. вышла его работа, озаглавленная «Проспект» (Prospectus), в которой он подверг анализу с точки зрения грамматики, логики и риторики роман Ф. Фенелона (1651–1715, Fénelon) «Приключения Телемака» [Kriajeva 2013: 7]. В 1799 г. комиссия по делам образования рекомендовала его систему развития навыков чтения как исключительно полезную для начальных школ, после чего он получил назначение на должность преподавателя чтения и произношения в педагогической École Normale, где его коллегой был грамматист Ф.-У. Домерг (1745–1810, Domergue). Таким образом, свидетельства принадлежности Модрю к идеологам подкрепляются и фактами из истории французских образовательных учреждений.

В своей русской грамматике Модрю дистанцируется от нормативных вопросов описания надлежащего использования языка (*bon usage*), каковое он относит к недостойным грамматиста задачам. В гораздо большей степени грамматист должен был заниматься установлением связей между идеями, вникая, подобно анатому, в мельчайшие детали, избегая чрезмерного увлечения абстракциями и систематически следуя аналогии языковых знаков:

C'est un logicien, qui accoutumé à observer la filiation des idées doit constamment raisonner juste : un anatomiste, dont l'invincible patience pénétrant dans les plus minutieux détails, dissèque jusqu'aux plus petites fibres : un idéologue enfin qui, sans s'égarer dans le pays des abstractions, <...> se borne à suivre en tout, une marche systématique, celle que lui prescrit l'analogie [Maudru 1801: XV]. — 'Это логик, который, привыкнув изучать преeminence идей, должен всегда правильно рассуждать: анатом, чье непобедимое терпение, проникая в мельчайшие детали, вскрывает все вплоть до мельчайших волокон: наконец, идеолог, который, не блуждая в стране абстракций <...> ограничивается тем, что следует во всем систематическому подходу, который ему предписывает аналогия.'

Формулируя важнейшее свойство грамматиста, Модрю использует здесь определение *идеолог* (*idéologue*), что свидетельствует о его несомненной связи с одноименным течением. Вполне в духе идеологов описывает он преподавание грамматики как научение мышлению. Однако приступать к нему можно только тогда, когда у учеников сформировались навыки формирования суждений.

L'habitude d'entendre parler purement produit celle de parler purement, soi-même ; et pour qui a contracté cette habitude, il ne s'agit plus que de le replier sur lui-même, en lui faisant remarquer comme il parle et pourquoi il parle ainsi. C'est alors le lieu de disséquer la parole, s'il est permis de s'exprimer de la sorte ; et il est aisé de le faire, quant on a, pour scalpel, un jugement droit et sur [Maudru 1792 [1778]: 28]. — 'Привычка слышать чистую речь порождает привычку самому чисто говорить; и в отношении того, кто подхватил эту привычку, речь может идти лишь о том, чтобы обратить его внимание на самого себя, побуждая его отмечать, как он говорит и почему он так говорит. И вот тут можно произвести вскрытие слова, если можно так выразиться, и это легко сделать, если кто владеет в качестве скальпеля верным и надежным суждением.'

Теория знака и теория языка в русской грамматике Модрю

В предисловии к своей грамматике Модрю восхваляет русский как самый приятный на слух среди северных языков [Maudru 1801: XII], но в книге в целом в первую очередь занимается определением его стимулирующих мышление свойств. В предисловии он начинает с того, что разбирает части речи и присущие им категории, опираясь при этом на традицию латинской грамматики. Оставаясь верным своему представлению о том, что грамматику необходимо изучать на материале родного языка, он использует примеры из французского (впрочем, как и из латыни). Модрю, вероятно, был знаком с грамматиками русского языка, опубликованными к концу XVIII в.; так, он упоминает М. В. Ломоносова в связи с введенным последним понятием «творительный падеж орудия», однако сам при этом предпочитает использовать синонимичный французский термин «фактивный падеж» (*factif*).

За предисловием следует список из 32 грамматических терминов с пояснениями, некоторые из которых являются общеупотребимыми, остальные же (и их большинство) изобретены самим Модрю [Maudru 1801: CXVIII–CXVI]. Особенно характерным примером является «рематеклог» (*rhématéclogue*) как выборка глаголов, рассмотрению которой Модрю уделяет в своей грамматике достаточно подробное внимание (рис. 1).

При объяснении глаголов Модрю полностью ориентируется на грамматику Пор-Рояля, в частности сводя односложное предложение *Scribit (nuisem)* к *est scribens*. Объем выражения *Scribit* включает, таким образом, следующие элементы: а) субъект; б) причастие в функции предикатива; в) экзистенцию, объединяющую вышеупомянутые предикатив и субъект. Подобное обращение к грамматикам рационалистов достаточно обычно для идеологов. Сам их дидактический подход имел следствием методический эклектизм, при котором элементы рационалистического учения о синтаксисе сочетались с сенсуалистскими представлениями о знаках. Кроме описания частей речи, Модрю также систематизирует процедуру грамматического анализа в виде сводной таблицы, в которой, помимо типов пред-

ΡΗΜΑΤΕΚΛΟΓΗ, des deux mots grecs
ῥήματος génitif de ῥήμα verbe et ἐκλογεῖον quod
selectum et excerptum est è multis = chose
qu'on a choisie et tirée d'un grand nom-
bre de choses. Rhématéclogue, choix de
verbes.

Рис. 1. Список грамматических терминов. «Рематеклог» [Maudru 1801: CXV]

(докл.: ΡΗΜΑΤΕΚΛΟΓΗ, происходит от двух греческих слов ῥήματος родительный падеж от ῥήμα, глагол (т.е. использовано греческое слово ῥήμα, основа которого ῥήματ-, в родительном падеже засвидетельствована. — Замечание автора) и ἐκλογεῖον quod selectum et excerptum est è multis = то, что было выбрано из большого числа подобных предметов. Рематеклог, выборка глаголов)

ложения (*propositions*), выделяет также речевые акты (*tours*), такие как утверждение, восклицание или вопрос, а также разные способы организации членов предложения (*constructions*, т.е. порядок слов) (рис. 2) [Maudru 1801: LXXVI].

При этом особенно интересны представления Модрю о порядке слов, в котором он усматривает следствие линейности как свойства языка, необходимым образом принуждающего в последовательном упорядочении одновременно и сложным образом сосуществующих идей. В данной связи Модрю уже в предисловии признает сенсуалистский принцип «*В разуме нет ничего такого, чего раньше не было бы в чувственном опыте*» (*nihil est in intellectu nisi prius fuerit in sensu* [Maudru 1801: LXXVII]). Будучи постоянно окружен так или иначе эмоционально его затрагивающими вещами, человек организует используемые им знаки сообразно данным эмоциям; инверсия, транспозиция и эллиптические конструкции, таким образом, не менее естественны, чем аналитический порядок слов «субъект — глагол — объект»:

Perpétuellement affecté par les objets qui l'entourent, l'homme est perpétuellement un être passionné, qui conçoit, qui dispose suivant les affections qu'il éprouve: et de cette diversité dans ses affections naissent dans l'expression des ses idées, l'inversion la transposition, l'ellipse, les écarts enfin dont se compose l'ordre oratoire, ordre, par conséquent, non moins naturel que l'analytique [Maudru 1801: LXXVI]. — 'Постоянно находясь под ощущаемым чувствами воздействием окружающих его объектов, человек всегда является эмоциональным существом, которое воспринимает и располагает используемые им идеи в зависимости от того, что он чувствует: и из этого разнообразия в его душевных движениях рождаются в выражении его идей — инверсия, транспозиция, эллипсис, наконец, те отступления, из которых состоит речевой порядок слов, порядок, следовательно, не менее естественный, чем аналитический порядок.'

Согласно Модрю и в полном соответствии с толкованием идеологов различные типологии порядка слов указывают на нечто совершенно иное, чем просто большую или меньшую степень близости к естественности, а именно на различия в национальном характере, который налагает отпечаток на особенный характер соответствующего языка, *génie de la langue*. Свободный порядок слов одновременно

TABLEAU FIGURÉ.

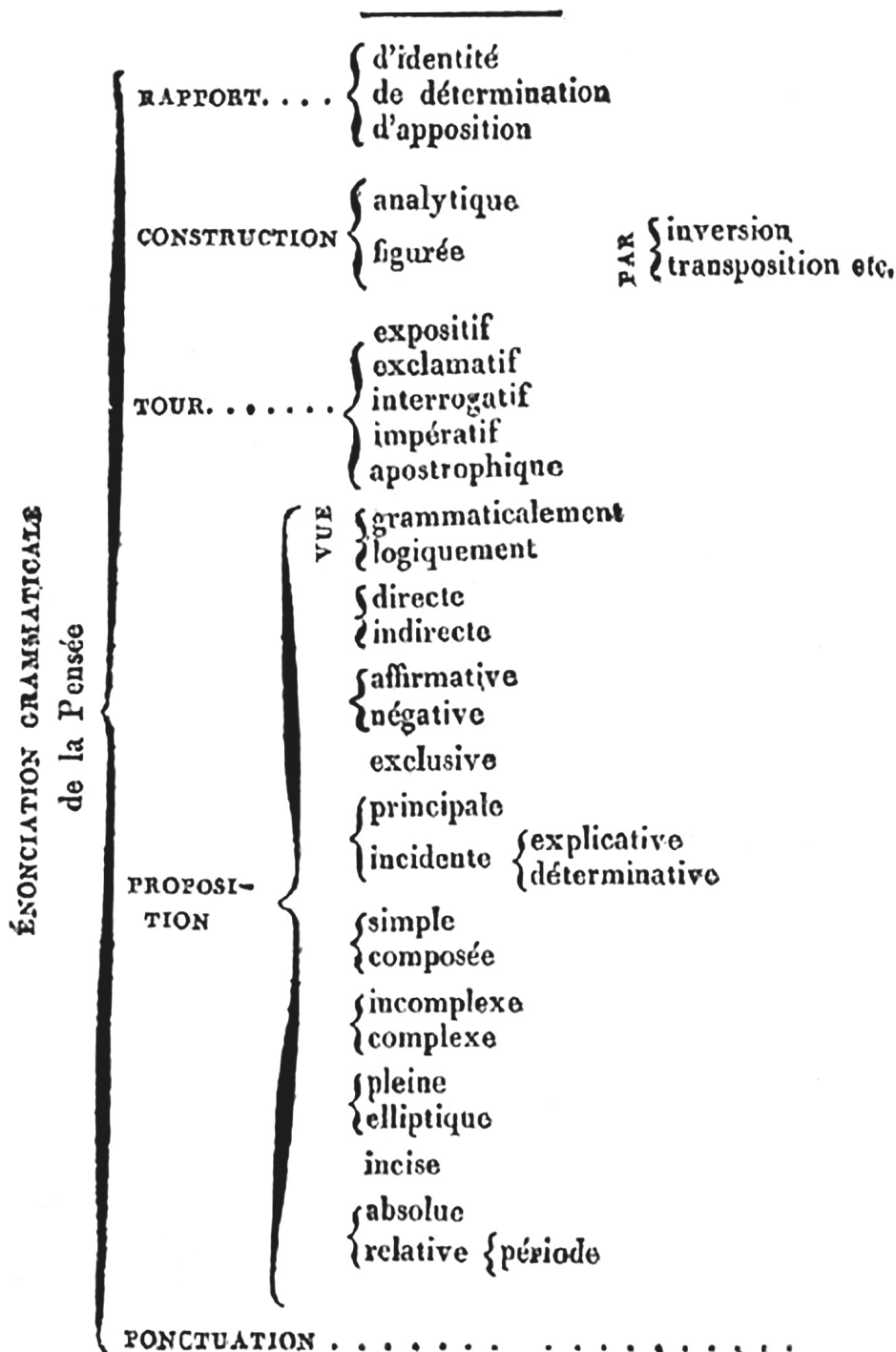

Рис. 2а. Таблица грамматического анализа [Модрю 1801]

ДРЕВОВИДНАЯ ДИАГРАММА

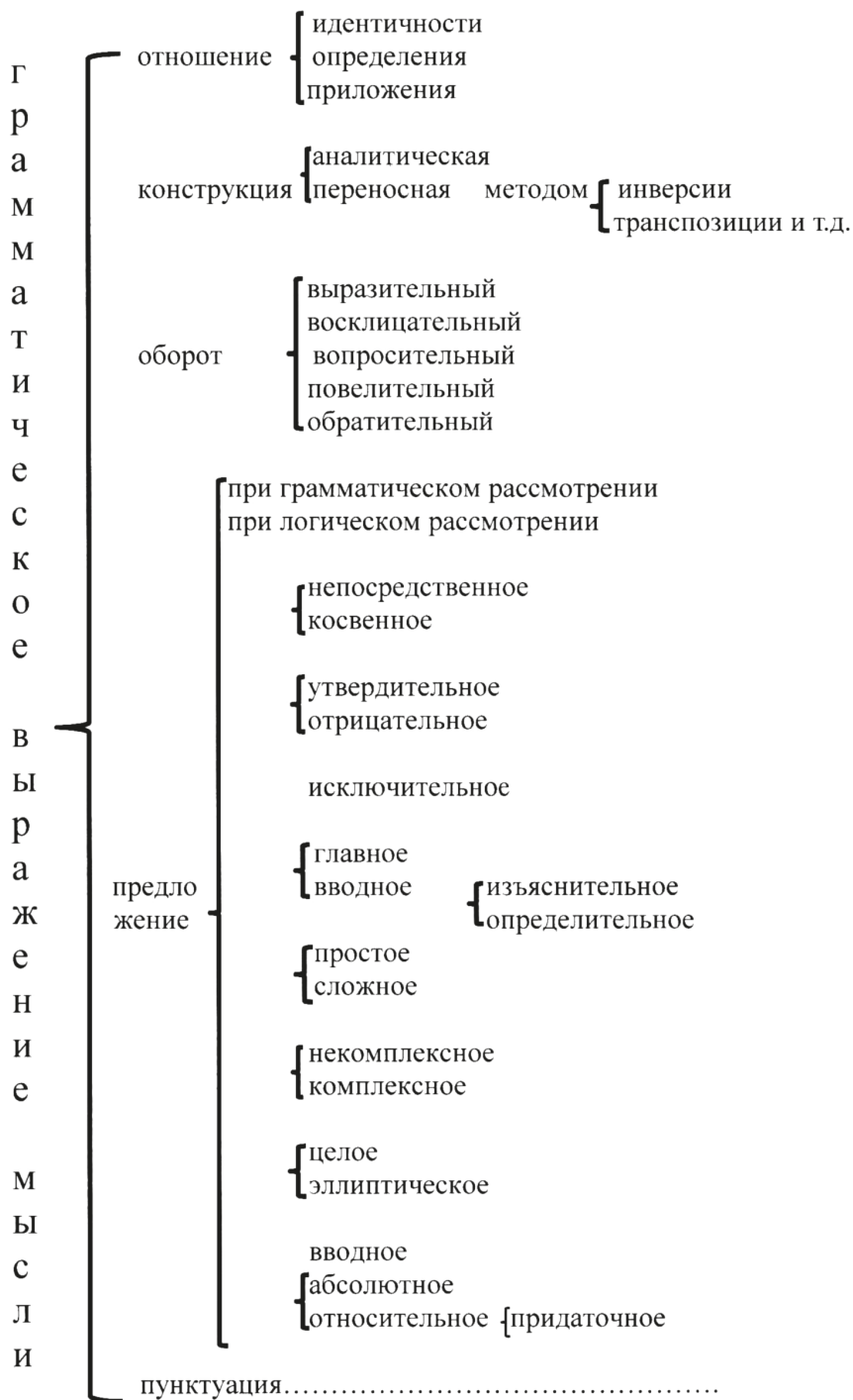

Рис. 26. Таблица грамматического анализа Модрю (перевод)

свидетельствует о свободолюбии как фундаментальном свойстве национального характера, которое Модрю в исторической перспективе объясняет также весьма своеобразно. Согласно его пониманию, допускающий большую, по сравнению с европейскими языками, свободу инверсии синтаксис русского является напоминанием о том времени, когда власть русских царей была менее абсолютной и самодержавной и когда подданные имели больше прав и свобод:

Le Monarque russe est un monarque absolu. Sa volonté seule, suivant la forme du gouvernement, est la suprême loi sous laquelle grands et petits, tous les sujets de son empire courbent le front avec un égal respect, d'une part; et de l'autre, libre d'ailleurs de toute espèce d'entrave, la langue de ce peuple si soumis ne reconnoît de lois, que celles que dicte impérieusement la syntaxe à toutes les langues. Il fut donc un temps où le peuple russe étoit libre; et ce qui n'est encore ici que conjecture devient certitude, lorsque nous ouvrons les fastes de son histoire. Elle nous apprend qu'anciennement les Russes étoient libres; que sans eux leurs souverains n'osaient rien entreprendre d'important: et voilà comment des notions purement grammaticales en enfantent d'historiques [Maudru 1801: 46–47]. — 'Русский монарх является абсолютным монархом. Его воля, согласно форме правления, это высший закон, перед которым, с одной стороны, все подданные его царства, от мала до велика, преклоняются с равным уважением, и с другой стороны, язык этого столь подчиненного народа, свободный от всех оков, не признает никаких законов, кроме тех, которые синтаксис властно диктует всем языкам. Это значит, что было такое время, когда русский народ был свободным; и то, что только является предположением, становится достоверным фактом, когда мы открываем его истории. История нас учит, что раньше русские были свободными; что без них их суверены не осмеливались предпринимать ничего важного: и вот мы видим, как чисто грамматические понятия выводят на свет исторические.'

Говоря о благозвучии как важном критерии для сравнения языков, Модрю опять-таки следует в русле давней традиции. Он утверждает, что в русском есть по-особенному звучные слова (*des mots extrêmement sonores*), приводя примеры, связанные с идеей красоты, в том числе и семантически: *красавецъ, красавица, красавочка, красошка*. Аналогичным образом, наличие в русском трех грамматических родов рассматривается им как преимущество в плане большей гармоничности по сравнению с французским [Maudru 1801: 35].

Кроме того, он считает русские слова более «энергичными»: там, где в русском достаточно одного слова, во французском приходится прибегать к длинным описаниям [Maudru 1801: 35]:

- тройка: attelage de trois chevaux;
- красильня: atelier où l'on teint;
- часовникъ: livre qui contient les prières publiques et autres exercices de religion.

Энергичность русского языка, по мнению Модрю, проявляется также в выразительности слов, которые одновременно называют и передают информацию о мотиве называния. Так, в то время как французское *mignon* в значении 'фаворит' выражает лишь идею особого расположения к соответствующему лицу, русское *временщикъ*, будучи производным от *время*, также указывает и на преходящий характер милостей [Maudru 1801: 35]. Однако в первую очередь специфика русского языка проявляется в словосложении, которое делает возможным образование мно-

жества слов, например сложные слова с использованием наречия *криво* [Maudru 1801: 37]:

- кривоглазный: *qui regarde de travers (louche);*
- кривоносный: *qui a le nez mal fait;*
- кривогубый: *qui a les dents tortues;*
- кривошей: *qui a le cou tors;*
- кривошейный: *qui a le torticolis;*
- криворукий: *qui a les mains tortues;*
- кривоногий: *qui a les pieds tortus (cagneux);*
- криводушникъ: *qui a la conscience large;*
- криводушничать: *agit en homme qui a la conscience large (user de fourberies).*

В числе особенностей русского, наряду со свободным порядком слов и скорее синтетическим характером языка, Модрю называет также наличие многочисленных уменьшительных форм, для которых во французском нет принципиального соответствия (*часокъ* — *petite heure*), в то время как в русском известны синонимические уменьшительные формы (*книжка*, *книжица*) и даже так называемые сверхуменьшительные (*sur-diminutifs*, *книжечка*) [Maudru 1801: 32]. Сфера применения уменьшительных форм не ограничивается существительными; они встречаются также среди прилагательных (*желтый* — *желтоватый*, *короткий* — *коротенький*), наречий (*немного* — *немножко*) и даже глаголов (*колоть* — *поколоть*) [Maudru 1801: 33]. Модрю сетует на отсутствие подобной словообразовательной возможности для построения уменьшительных форм во французском, который, в силу своего аналитического характера, вынужден для соответствующих целей довольствоваться наречным выражением *un peu*: *un peu jaune* ('желтоватый'), *un peu court* ('коротенький'), *tant soit peu* ('немножко'), *piquer un peu* ('поколоть'). В сфере глагольной морфологии, помимо ослабляющего значения префикса *no-*, Модрю выделяет также другие образуемые путем словообразования формы способа действия. Так, образованным с использованием инфикса *-ыв-* глаголам он присваивает фреквентативное значение: *колоть* — *калывать*, *сказать* — *сказывать*. Несмотря на наличие во французском словообразовательных элементов, привносящих смысловой оттенок ослабления и фреквентативности (*buvoter* 'пригубивать', *trembloter* 'дрожать'), сфера употребления таковых ограничена и вряд ли сравнима с реалиями русского языка [Maudru 1801: 34].

Несмотря на то что вид глагола, несомненно, является категорией, резко отличающий русский язык от французского, Модрю не предлагает для него какого бы то ни было обозначения. Он описывает богатство русского глагола в первую очередь как феномен словообразования, позволяющий получать отдельные глаголы для обозначения начала, завершения или протекания действия. В данной связи он даже употребляет термин, который позднее будет восприниматься в качестве перевода немецкого *Aktionsart*: *mode d'une action* 'способ действия' [Haßler, Neis 2009; Bache 1982; Vendler 1957; Binnick 2012]:

S'agit-il d'exprimer le commencement d'une action, la fin, le **mode d'une action**, le passage d'un état à un autre ? le Russe, sans recourir, comme nous, aux périphrases, a pour chacune de ces vues, un verbe tout prêt, tel que забрить 'commencer à raser' дожать 'finir de moissonner' накричать 'se lasser à crier' сиротѣть 'devenir orphelin' [Maudru 1801:

38]. — ‘Если требуется выразить начало, конец или **способ действия**, переход от одного состояния к другому, в русском не требуется прибегать к перифразам, как во французском, так как для каждого из этих видов есть готовый глагол, как, например, «забрить», «дожать», «накричать», «сиротѣть».’

На основании морфологических критериев он выделяет обозначающие начало действия инхоативные (*inchoatifs*), а также абсолютивные (*absolutifs*), эксплетивные (*explétifs*) и транслятивные (*translatifs*) глаголы, которые обозначают соответственное окончание действия (*дожать*), высокую степень полноты осуществленного действия (*накричатъся*) и изменение состояния (*сиротѣть* или *краснѣть*).

Примечательно в первую очередь описание глаголов в Рематеклоге, где они упорядочены лексически и грамматически. Автор противопоставляет бесприставочные глаголы образованным путем префиксации и описывает их значения; при этом он совершенно верно обнаруживает дифференциацию, обусловленную перфетивацией последних, не оперируя при этом понятием глагольного вида:

играть <i>jouer</i>	доиграть <i>achever de jouer</i>
быть <i>sein</i>	забыть <i>oublier</i>
пѣть <i>chanter</i>	пропѣть <i>chanter jusqu'au bout</i>
спать <i>dormir</i>	заспать <i>dormir trop long-tems</i>
спать <i>dormir</i>	проспать <i>se réveiller</i>
дать <i>donner</i>	продать <i>vendre</i> [Maudru 1801: Rhématéclogue]

Модрю признает [Maudru 1801: 240], что вынужден при этом оставить ряд открытых вопросов, поскольку не имел возможности ни опереться на книжные источники, ни провести опрос носителей языка. Симптоматичным в данном плане является описание значения глагола «написать»: Модрю явно понимает его телический характер, но соотносит его не с перфективным отображением процесса письма, а с фактом расходования бумаги: *писать écrire* → *написать consumer le papier en écritures*.

Не желая ограничиваться перечислением наиболее заметных явлений, нехарактерных для французского, Модрю пытается истолковать последние в духе своих представлений о национальном характере. В вопросе связи между языком и мышлением, как было выше отмечено, он стоит на позициях идеологов. В его понимании языки представляют собой управляющие мышлением аналитические методы; следовательно, философская рефлексия должна проникать вглубь внешней оболочки языка, познавая особость глубинного характера народа и его языка

Un esprit vulgaire, lorsqu'il apprend une langue, y voit des mots, des phrases et n'y voit que cela: mais un esprit philosophique perce l'écorce; et sous l'enveloppe, il aperçoit, dans la langue qu'il étudie, le génie du peuple qui la parle ou, si on aime mieux, le génie de la langue [Maudru 1802: 41–42]. — ‘Простой разум, изучая язык, видит в нем слова, фразы и больше ничего: но философский разум проникает вглубь внешней оболочки и под ней он познает, в том языке, который он изучает, характер народа, говорящего на нем, или, если угодно, гений языка.’

В поисках уровня, на котором осуществляется взаимодействие между языком и национальным характером, Модрю прибегает к весьма простому объяснению

в духе сенсуализма, согласно которому воздействие на мышление и язык (включая, не в последнюю очередь, синтаксис) оказывают условия внешней среды:

Ce n'est pas que dans sa manière de construire les mots, le génie des langues s'astreigne en tout climat, à suivre rigoureusement cet ordre: il s'en écarte plus ou moins; il le fait même très souvent, par une suite de cet axiome, principe le plus fécond que nous ayons: *nihil est in intellectu nisi prius fuerit in sensu*. Perpétuellement affecté par les objets qui l'entourent, l'homme est perpétuellement un être passionné, qui conçoit, qui dispose suivant les affections qu'il éprouve: et de cette diversité dans ses affections naissent, dans l'expression de ses idées, l'inversion, la transposition, l'ellipse, les écarts enfin dont se compose l'ordre oratoire, ordre, par conséquent, non moins naturel que l'analytique [Maudru 1802: LXXVII]. — 'Это не значит, что при образовании слов гений языков в любых условиях принужден строго следовать этому порядку: он от него отходит то в большей, то в меньшей степени; он это делает довольно часто, следуя вот этой аксиоме, самому плодотворному принципу, который у нас есть: *nihil est in intellectu nisi prius fuerit in sensu*. Постоянно находясь под ощущаемым чувствами воздействием окружающих его объектов, человек всегда является эмоциональным существом, которое воспринимает и располагает используемые им идеи в зависимости от того, что он чувствует: и из этого разнообразия в его душевных движениях рождаются в выражении его идей — инверсия, транспозиция, эллипсис, наконец, те отступления, из которых состоит речевой порядок слов, порядок, следовательно, не менее естественный, чем аналитический порядок.'

В конце концов Модрю прибегает и к еще более механистическому объяснению специфики языка и национального характера народа, возлагая ответственность на климатические факторы. При этом он не просто повторяет клише, употреблявшиеся в окружении идеологов, в первую очередь — П.-Ж.-Г.Кабанисом (1757–1808, Cabanis), но и пытается скоропалительно использовать их применительно к русскому языку. Согласно его представлению, климатический фактор не только играет важную роль в формировании фонетического образа языка, но также может стать ключом к объяснению мотивации наименования. Например, французское слово *factionnaire* обозначает существенное, тем самым непосредственно соответствующую ему основную идею, в то время как в русском *часовой* подчеркивается вспомогательная идея временной длительности, которая приобретает особенную важность в стране с суровым климатом [Maudru 1801: 42]. В фонетическом плане суровый климат породил режущие ухо иностранца нагромождения типа *зубочистка*, *шляхетство* и *мудрствовать* при одновременном наличии действительно мягко и приятно звучащих слов, таких как *душенька*, *лелеяние* или *любезная* [Maudru 1801: 43]. При рассмотрении различий в способах изъяснения Модрю указывает, кроме того, на культурные обычаи народа: так, по-русски говорят *стоять в церкви*, в отличие от французского с его *être à l'église* (*быть в церкви*), потому что в русской церкви принято именно стоять.

Попытку Модрю реанимировать климатическую теорию критиковал, в частности, Карамзин, который считал толкование переносных значений слов абсурдным занятием, которому не место в рамках грамматики [Карамзин 1820: 128]. Терминологию Модрю он определил как псевдонаучную и граничащую с варварством [Карамзин 1820: 131–132]. Карамзин отвергает также аргументацию Модрю касательно порядка слов в русском языке, занимая позицию, близкую сенсуалистским теориям Кондильяка и Ш.Баттё (1713–1780, Charles Batteux). Мнение Карамзина,

по-видимому, задало тон всем последующим оценкам работы Модрю [Kriajeva 2013: 21].

Несмотря на сдержанную или даже отрицательную реакцию на грамматику Модрю в России, отзывы на русскую грамматику Модрю во Франции были, напротив, крайне положительными. Например, Р. Турле (1758–1836, Tourlet) в своей рецензии, опубликованной в газете *Moniteur*, высказал надежду, что книга сыграет положительную роль на фоне улучшения отношений между Францией и Россией после восхождения на престол Александра I [Tourlet 1802]. В качестве достойного внимания часто упоминался тот факт, что принципы всеобщей грамматики в книге впервые были применены к языку, не принадлежащему к широко известным в Европе. Упрощенное и схематичное изложение русской морфологии рассматривалось как преимущество по сравнению с грамматиками Ломоносова (1755) и Ж.-Б.-Ж. Шарпантье (1768, Charpentier). Однако, как мы могли убедиться, именно подобный упрощенный характер работы чреват опасностями, которые только усугубляются из-за не совсем уверенных языковых знаний составителя.

В этой статье мы показали, что идеологи оказали влияние на теорию языка в России благодаря деятельности Модрю. Модрю выступал, несомненно, как представитель этого течения, несмотря на то что он в своей грамматике прибегал и к традиционным, и к своим собственным решениям для описания русского языка. Его грамматика является примером формирования понятий, из которых некоторые были ошибочны, зато другие лишь опередили свое время.

Источники

- Карамзин 1802–1803 — Карамзин Н. М. О русской грамматике французского Модрю. Вестник Европы. Москва. 1802–1803, 13: 204–212; СПб., 1820: 127–134.
- Ломоносов 1755 — Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Императорская Академия наук, 1755.
- Charpentier 1768 — Charpentier J.-B.-J. *Eléments de la langue russe, ou Methode courte et facile pour apprendre cette langue conformement a l'usage*. Saint-Petersbourg: l'imprimerie de l'Académie des sciences, 1768.
- Condillac 1947–1951 — Condillac É. B. de. *Œuvres philosophiques de Condillac*. Texte établi et présenté par Georges Le Roy. Corpus général des Philosophes Français. T. XXXIII. Paris: Presses Universitaires de France, v. 3. 1947–1951.
- Destutt de Tracy 1803–1805 — Destutt de Tracy A.-L.-C. de. *Eléments d'idéologie*. T. 1. 1e partie. Idéologie proprement dite; T. 2. 2e partie. Grammaire; T. 3. 3e partie. Logique. T. 4. 4e et 5e parties. Paris: Chez Courcier, 4 vols. 1803–1805.
- Lancelin 1801 — Lancelin P.-F. *Introduction à l'analyse des sciences, Ou de la Génération, des Fondemens, et des Instrumens de nos connoissances*. Première Partie. Paris: Firmin Didot et Bleuët, Fuchs, Treuttel et Wurtz, Debray et Dessenne, 1801.
- Maudru 1771 — Maudru J.-B. *Lettre de M** a Madame la Duchesse*** et Nouveau système de lecture applicable à toutes les langues*. Paris: Chez Osmont, Libraire, rue Galande, et Longchamps, 1771.
- Maudru 1792a — Maudru J.-B. *Réflexions sur l'Education*, par J.-B. Maudru, auteur du Nouveau système de Lecture applicable à toutes les Langues. Seconde Edition. Paris: Chez l'Auteur, rue S. Martin; Bleuët, père, 1792 [1778].
- Maudru 1792b — Maudru J.-B. *Lettre au Comité d'Instruction publique ou exposition raisonnée du nouveau système de lecture applicable à toutes les langues*. Paris: Chez l'Auteur; Bleuët père, 1792.
- Maudru 1799 — Maudru J.-B. *Les Pourquoi*. Exposé. Paris: Impr. de Roblot, 1799.
- Maudru 1801 — Maudru J.-B. *Elémens raisonnés de la langue russe ou principes généraux de la grammaire, appliqués à la langue russe*. Paris: L'Auteur, Courcier, Levrault, 1801, An X.

- Модрю 1808 — Модрю Ж.-Б. (Maudru, J.-B.) Основательное сокращение российской грамматики. Москва: В университетской типографии, 1808.
- Prévost 1800 — Prévost P. Des Signes envisagés relativement à leur influence sur la formation des idées. Paris: Baudouin, imprimeur de l'Institut National, 1800.
- Tourlet 1802 — Tourlet R. Eléments raisonnés de la langue russe, ou Principes généraux appliqués à la langue russe ... par J.-B. Maudru. Gazette nationale, ou Moniteur universel, le 16 Thermidor an 10. 1802, 316: 1293–1294.

Литература

- Archaimbault 1998 — Archaimbault S. Jean-Baptiste Maudru ou le regard de la grammaire générale française sur la langue russe. *Slavica Occitania*. 1998, 6: 13–26.
- Bache 1982 — Bache C. Aspect and Aktionsart: towards a semantic distinction. *Linguistics*. 1982, 18: 57–72.
- Binnick 2012 — Binnick R. I. *The Oxford handbook of tense and aspect*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 1089 p.
- Busse, Trabant 1986 — *Les Idéologues. Sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française. Proceedings of the Conference, held at Berlin, October 1983*. Busse W., Trabant J. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986. 404 s.
- Haßler 1999 — Haßler G. Sprachtheorie der ‚idéologues‘. In: *Geschichte der Sprachtheorie*. Schmitter P. (Hg.). Bd. 4. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1999. S. 201–229.
- Haßler 2001 — Haßler G. ‚Ideologische‘ Sprachtheorie in Rußland. In: *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*. Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B., Brohm S. (Hg.). Berlin: Berlin Verlag; Spitz, 2001. S. 609–625.
- Haßler 2007 — Haßler G. Texts of Reference and Serial Texts in the Constitution of a Notional Paradigm: The example of the French ideologues. In: *History of Linguistics 2002. Selected papers from the ninth International Conference on the History of the Language Sciences, 27–30 August 2002, São Paulo — Campinas*. Guimarães E., Pessoa de Barros L. D. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 63–71.
- Haßler 2016 — Haßler G. Degérando's three prize essays and the shift in linguistic thought at the turn of the 19th century. In: *History of Linguistics 2014. Selected papers from the 13th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIII), Vila Real, Portugal, 25–29 August 2014*. Assunção A., Fernandes G., Kemmler R. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 149–160.
- Haßler, Neis 2009 — Haßler G., Neis C. *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2009. 2 Bde., 1880 s.
- Kriajeva 2013 — Kriajeva N. Jean Baptiste Maudru: partisan ordinaire de la grammaire générale et de la pédagogie des Lumières. In: *Le précepteur francophone en Europe XVIII–XIX siècles*. Rjeoutski V., Tchoudinov A. (eds.). Paris: l'Harmattan, 2013. P. 391–424.
- Schlieben-Lange 1989–94 — *Europäische Sprachwissenschaft um 1800: methodologische und historiographische Beiträge zum Umkreis der „idéologie“*. Schlieben-Lange B. et al. (ed.). Münster: Nodus Publikationen, 1989–1994. 4 Bde.
- Schlieben-Lange 1996 — Schlieben-Lange B. *Idéologie, révolution et uniformité de la langue*. Liège: Mardaga, 1996. 216 p.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and Times. *Philosophical Review*. 1957, 66: 143–160.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 28 января 2019 г.

Theory of signs and ideas on the relation between language and thought at the border between the 18th and 19th centuries: A case study of the *ideologist's* activity in Saint Petersburg

For citation: Haßler G. Theory of signs and ideas on the relation between language and thought at the border between the 18th and 19th centuries: A case study of the *ideologist's* activity in Saint Petersburg. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (3): 463–479. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.308> (In Russian)

The name *Ideologues* refers to a group of philosophers, psychologists, grammarians, educational theorists and medical specialists who for a short period from 1795 to 1805 determined the intellectual climate in France and sought to develop a science of ideas (*idéologie*). The Ideologues had a rather reserved attitude to Condillac's (1714–1780) ideas and his sensualist sign theory. They strove for the perfection of language for the needs of thought and of scientific knowledge. The connections with the Ideologues can also be discerned in Russia. In the educational theory, Jean-Baptiste Maudru (1740–1808) was close to the Ideologues and, despite his insufficient knowledge of the Russian language, made some interesting remarks on the connection between the language and the national character. According to Maudru and in agreement with the Ideologues, different typologies of word order are not just an indication of greater or lesser closeness to the natural order. Rather, they indicate differences in national character, which manifest themselves in the specific character of individual languages. Maudru taught at the military academy in Saint Petersburg and published the first Russian grammar in France (Maudru 1802). In his grammar, he sought to link mechanically the specific features of languages and of national characters with the climatic influences. His attempt to revive the theory of climatic influences was criticized by Karamzin. Karamzin also treated the discussion of the metaphoric extension of word meanings as an absurd undertaking, which had no place in grammar.

Keywords: *Ideologues*, sign, grammar, language and thought.

References

- Archaimbault 1998 — Archaimbault S. Jean-Baptiste Maudru ou le regard de la grammaire générale française sur la langue russe. *Slavica Occitania*. 1998, 6: 13–26.
- Bache 1982 — Bache C. Aspect and Aktionsart: towards a semantic distinction. *Linguistics*. 1982, 18: 57–72.
- Binnick 2012 — Binnick R. I. *The Oxford handbook of tense and aspect*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. 1089 p.
- Busse, Traband 1986 — *Les Idéologues. Sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française. Proceedings of the Conference, held at Berlin, October 1983*. Busse W., Traband J. (eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986. 404 S.
- Haßler 1999 — Haßler G. Sprachtheorie der ‚idéologues‘. In: *Geschichte der Sprachtheorie*. Schmitter P. (Hg.). Bd. 4. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1999. S. 201–229.
- Haßler 2001 — Haßler G. ‚Ideologische‘ Sprachtheorie in Rußland. In: *Russische Aufklärungs-Rezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*. Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B., Brohm S. (Hg.). Berlin: Berlin Verlag; Spitz, 2001. S. 609–625.
- Haßler 2007 — Haßler G. Texts of Reference and Serial Texts in the Constitution of a Notional Paradigm: The example of the French ideologues. In: *History of Linguistics 2002. Selected papers from the ninth International Conference on the History of the Language Sciences, 27–30 August 2002, São Paulo* —

- Campinas*. Guimarães E., Pessoa de Barros L.D. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P.63–71
- Haßler 2016 — Haßler G. Degérando's three prize essays and the shift in linguistic thought at the turn of the 19th century. In: *History of Linguistics 2014. Selected papers from the 13th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIII), Vila Real, Portugal, 25–29 August 2014*. Assunção A., Fernandes G., Kemmler R. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. P.149–160.
- Haßler, Neis 2009 — Haßler G., Neis C. *Lexikon sprachtheoretischer Grundbegriffe des 17. und 18. Jahrhunderts*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2009. 2 Bde., 1880 S.
- Kriajeva 2013 — Kriajeva N. Jean Baptiste Maudru: partisan ordinaire de la grammaire générale et de la pédagogie des Lumières. In: *Le précepteur francophone en Europe XVIII–XIX siècles*. Rjeoutski V., Tchoudinov A. (eds.). Paris: l'Harmattan, 2013. P.391–424.
- Schlieben-Lange 1989–94 — *Europäische Sprachwissenschaft um 1800: methodologische und historiographische Beiträge zum Umkreis der „idéologie“*. Schlieben-Lange B. et al. (ed.). Münster: Nodus Publikationen, 1989–1994. 4 Bde.
- Schlieben-Lange 1996 — Schlieben-Lange B. *Idéologie, révolution et uniformité de la langue*. Liège: Mardaga, 1996. 216 p.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and Times. *Philosophical Review*. 1957, 66: 143–160.

Received: October 25, 2018

Accepted: January 28, 2019